

12. Немцы опомнились и наступают

Ситуация в городе довольно быстро стала меняться в пользу германской армии. Варшавянам пришлось оставлять квартал за кварталом.

5 августа наместник в Польше доктор Франк послал следующую телеграмму в Берлин: “Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежище. После этого восстания и его ликвидации Варшава будет предана заслуженной судьбе своего полного уничтожения”.

6 августа германская разведка сообщила в штаб группы армий “Центр”: “Стойкое удержание восставшими занятых опорных пунктов, блокирование здания комендатуры и других частей города, перекрытие транспортного сообщения через город требуют и сегодня энергичных наступательных мер. . .

Вопреки сопротивлению, имеющему место в центре города, в окрестностях дирекции Восточной дороги – угол Курт-Люкштрассе – Фелдхерр Альце – район стадиона вермахта (где почти исключительно проживает рабочее население) стоит полное спокойствие и можно свободно ходить по улицам.

По сообщению доверенного лица: вождь восставших заявил, что сделать шаг назад теперь невозможно. Теперь немцы, даже если восстание будет прекращено, в качестве возмездия уничтожат весь город со всем населением. С этим должно быть связано проходившее сегодня на площади Гжибовского народное собрание, которое очевидно должно было служить для нового подогрева масс. При этом у охраны находившегося неподалёку концентрационного лагеря требовали сдаться.

... По другим данным, в здании рынка на площади Мировского хранятся большие количества консервов, которые ежедневно выдаются. Склад хорошо охраняется. Обеспечение населения продовольствием плохое, есть только хлеб. Краины города немногого снабжает продовольствием сельское население.

... Движение сопротивления состоит из различных групп, добровольно подчиняющихся командованию АК. Командование АК обещает населению скорое освобождение и помощь союзников. Эти обещания встречаются неверием и издёвками.

В Праге (восточный район Варшавы. – **Прим. ред.**) создаётся впечатлительное, что осадное положение на неё не распространяется. Продолжается, хотя и ограниченное, движение по улицам. Царит полное спокойствие”.

На следующий день – 7 августа – немецкая служба радиоперехвата, подслушав переговоры между поляком и его командиром, выяснила следующее:

“Настороженные повстанцев в связи с обстоятельностью, что большевики без интереса отнеслись к восстанию, плохое. В связи с налётами авиации и использованием танков, а также радикальными акциями немцев по очистке, население находится в подавленном состоянии. Оно боится украинских добровольцев. Замечено, что большая часть населения симпатизирует немцам”. В тот же день информатор сообщил немцам, что в ночь на 7.08 на Варшаву было сброшено 15 парашютов с вооружением и боеприпасами.

8 августа руководство восстанием отправило отчаянную радиограмму в Лондон с просьбой передать её текст через Москву командующему фронтом Рокоссовскому. Радиограмма с этой просьбой была подписана *Лавина* – одним из псевдонимов Бур-Коморовского.

“С 1 августа 1944 г<ода> веду бои с немцами в Варшаве с участием всего населения и всех вооружённых отрядов Армии Крайовой, и тех, которые присоединились к боям: Рабочая милиция, Армия Людова, Польская Армия Людова и другие. Ведём тяжёлые бои. Немцы, готовя пути отхода, жгут город и уничтожают население. Сейчас мы сдерживаем крупные немецкие бронетанковые силы и пехоту, однако ощущаем недостаток боеприпасов и тяжёлого оружия, нам необходима быстрая помощь войск маршала. В моём штабе находится советский офицер, капитан Калугин, сообщите для него данные радиосвязи для того, чтобы он мог связаться с Вами и таким путём дать мне возможность согласовать действия.

Нурт, командующий округом Варшава*”.

К 9 августа немцам удалось разбить повстанческий район. В сентябре в руках повстанцев оставался лишь центр города. Немцам удалось выйти на берег Вислы и отрезать связь повстанцев с Прагой.

Германская разведка в эти дни сообщала своему командованию: “Насторожение повстанцев крайне плохое. Причиной этого является недостаточное снабжение продовольствием и вооружением, а также плохое командование. Критикуется также и то, что бандиты, никогда не бывшие военными, носят офицерские знаки различия.

Повстанцы вербуются преимущественно из лиц в возрасте до 25 лет, в то время как люди старшего возраста с большим жизненным опытом почти совсем отсутствуют. Интеллигенция большей частью уже сбежала”.

В течение этого времени боевой настрой повстанческих сил постепенно снижался. Бойцы голодали, получая на обед только похлёбку из варёного зерна. Раненые в госпиталях умирали, не дождавшись операций. Немцы бомбили ежедневно с утра до вечера. К концу августа моральный дух повстанцев и мирных граждан поддерживала только надежда на советскую помощь.

13. Разрушение Варшавы

Прошло три недели со дня начала восстания. Немцы методично наступали. Штаб генерала Бур-Коморовского переместился с фабрики Камлера на Старе Място. Проливные дожди первых дней сменились безветренной и сухой погодой.

Город горел, над ним постоянно стояла пелена густого сизого дыма. Не умолкали взрывы бомб и снарядов, вой “штукасов”, треск пулёмётных очередей. Пожары гасить было нечем – трубы водопроводов полностью пересохли.

Восстание, начало которого казалось таким успешным, застопорилось. Не овладев полностью городом, повстанцы были обескуражены приказом командования перейти к обороне. Это удивило даже немцев и коменданта Варшавы генерала войск СС Эриха фон дер Бах-Залевского.

Уничтожение города уже началось. Как и еврейское гетто в 1943 году, его уничтожали систематически – дом за домом. Жгли и взрывали. Однако повстанцы сопротивлялись с невиданной яростью. Они покидали дом, объятый пламенем, но как только пожар затихал, возвращались обратно в развалины.

Когда повстанцы перешли к обороне, немецкое командование в городе вздохнуло с облегчением. Теперь ликвидация мятежа – вопрос лишь времени. Лишь бы русские не начали наступления...

Но генерал Гудериан заверил Берлин – на фронт брошены все резервы, подтянуты свежие танковые части, пехотные соединения. Усилена авиация.

* Нурт – один из псевдонимов полковника А. Хрусцеля.

А русским надо ещё привести в порядок свои войска, полностью обескровленные после такого длительного и тяжёлого наступления. Но, пока они с этим справятся, восстание будет уже подавлено.

Штурмовые немецкие части разрушали Варшаву на части, изолировали отдельные узлы сопротивления и уничтожали их один за другим. Уже 8 августа немцы заняли район Воля, а потом отрезали Старе Место от остального города – врезались клином до самой Вислы. Теперь бои шли на Гжибовской улице. В руках у немцев был мост Понятовского, они атаковали Маршалковскую, Крулевскую, Вспульную. Против повстанцев стали применять тяжёлую осадную артиллерию.

В течение трёх первых дней осады Старого Мясца из тысячи домов было разрушено и сгорело больше семисот зданий.

И в тот момент, когда советские солдаты приостановились, чтобы набраться сил, политики из эмигрантского правительства в Лондоне распространили подлый и ядовитый слухок – русские не хотят брать Варшаву... Это была такая же грязная клевета, как и затеянная полтора года назад катынская провокация. Впоследствии председатель Рады едности народной Пужак голословно обвинял советское командование в преднамеренной приостановке наступления в связи с началом восстания в Варшаве.

14 августа Бур-Коморовский направил в Лондон, в штаб Верховного главнокомандующего, следующую радиogramму: “С момента вступления советских войск на польскую территорию в январе 1944 года части АК устанавливали связь с советскими командирами для согласования действий. Так было на Вольни и Виленщине, в восточной Малопольше, Белостокском и Любельском воеводствах. Все контакты закончились печальным опытом, поскольку после использования нашей помощи на поле боя, командиры всех частей и подразделений АК были арестованы, и части разоружены советской армией.

После такого опыта мы не старались заранее установить связь из Варшавы с советским командованием, ожидая проявления их доброй воли. Как только 3 августа в штаб АК прибыл советский капитан Калугин, он был принят и размещён в штабе командующего восстанием.

Через посредничество капитана Калугина 7 августа были переданы советскому командованию потребности АК в оружии и цели в Варшаве для бомбардировки с воздуха.

Кроме того, командующий восстанием в Варшаве направил через Лондон радиogramму маршалу Рокоссовскому с предложением согласования действий и оказания Варшаве помощи, к сожалению, до сегодняшнего дня как телеграмма капитана Калугина, так и командующего восстанием остались без ответа.

Лавина”.

Трудно найти более фальшивое послание генерала Коморовского. Здесь всё ложь.

В конце августа – начале сентября восставшие оказались в критической ситуации. Бур-Коморовский уже обдумывал планы капитуляции, а возможное сотрудничество с Войском Польским называл “предательством”. Но не прекращал выпрашивать помощь оружием и боеприпасами, продовольствием у Красной Армии. Когда же советские самолёты её сбрасывали, аковцы распространяли слухи, что это посылки англичан.

14. Миколайчик в Москве

Если проанализировать действия польских политиков в Лондоне и Варшаве в тот период, то сразу становится ясно – все их телодвижения направлены лишь к одной цели: показать Кремлю, что подлинные хозяева в Польше они. Именно эту мысль польская делегация эмигрантов во главе с Миколайчиком и пыталась сразу же внушить принявшему их 31 июля наркому иностранных дел СССР В. Молотову.

Встреча произошла в Москве, в здании МИДа, находившегося в то время в здании бывшей городской гимназии, на углу Лубянки и Кузнецкого моста.

Миколайчик вошёл в кабинет Молотова твёрдым, решительным шагом, явно подчеркивая свой премьерский статус. Он был одет в довольно поношенный тёмный костюм, который показывал, что его обладатель не заботится о своём внешнем имидже, а главное для него – дело, только дело. В этом он явно старался подражать Черчиллю.

Польский премьер сразу же взял деловой тон. Он начал с усиленной просьбы о свидании со Сталиным. И подчеркнул: польское правительство осуществляет сейчас накопление сил для содействия в решающий момент советским войскам в их борьбе с немцами. Ведь у них общий враг — немецкий фашизм. Доверительным тоном поляк сообщил советскому министру иностранных дел, что ещё в октябре прошлого года все вооружённые силы Польши получили приказ о том, чтобы они вели борьбу совместно с советскими вооружёнными силами. Наверно, пан Молотов имеет сведения о том, что это уже осуществляется?

Это было одновременно и враньё, и проверка: “А что знают русские?”

Но ожидаемого впечатления эта речь на советского министра не произвела. Проверка не удалась. Молотов ответил, что у него есть сведения противоположного характера. Советский министр не стал уточнять, что ему давно известны приказы по Армии Крайовой, изданные Ровецким и Коморовским, о борьбе с Красной Армией и партизанами, и что они говорят совершенно о другом.

Кажется, именно в тот момент Миколайчик понял, что “заболтать” советского министра ему будет нелегко. Но тем не менее, он продолжал свою пафосную речь. Он говорил о том, что у польского правительства имеется план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами. В этот решающий момент важно найти общий язык между советским и польским правительствами, чтобы заложить основы дружественного сотрудничества между Польшей и Советским Союзом в будущем. Он лично уверен, что за ним пойдёт почти всё население Польши. Он, Миколайчик, представляет те политические партии Польши, которые хотели бы сотрудничать с Советским Союзом и вести борьбу с теми партиями, которые не особенно желают сотрудничать с Советским Союзом.

Молотов спокойно ответил, что он не совсем понимает то, что говорит Миколайчик. Хотя по-русски Миколайчик говорил вполне понятно.

Дело не в этом. В польском правительстве представлены разные партии, включая и такие, враждебность которых никто не может опаривать.

Миколайчик решительно заявил, что таких партий в польском правительстве нет. Все четыре партии, представленные в правительстве, хотят сотрудничать с Советским Союзом.

Стало ясно, что такова выработанная в Лондоне точка зрения и Миколайчик от неё не отступит. Да и альтернативы у него не было. Поэтому Молотов заметил, что тогда лучше оставить этот вопрос.

Получив лёгкий щелчок по носу и секунду поколебавшись, Миколайчик зашёл с другой стороны. Он рассыпался в уверениях о том, что между советским и польским правительствами нет больше разногласий. Он, Миколайчик, хотел бы переговорить с Советским правительством обо всех делах и убедить Советское правительство в искренности намерений польского правительства.

Молотов вполне резонно ответил, что лучше переговорить с Польским Национальным Комитетом. Этот комитет был недавно образован в Люблине, на территории, уже освобождённой советскими войсками от фашистов. В Лондоне это прекрасно знали.

Это было поворотным моментом в беседе. И Миколайчик решительно заявил, что, как он думает, ему всё же лучше переговорить с Советским правительством, героические армии которого бьют немцев. Советское правительство представляет мощь своей страны, которая будет руководить Европой. Это была прямая и очень грубая лесть, но такие примитивные приёмы на Молотова не действовали.

Вообще-то весь пыл и выпренность речи Миколайчика, вся его поза напомнили Молотову когда-то виденное выступление одного провинциального трагика из группы бродячих актёров, давно, ещё до революции. Тот на сцене тоже держался уверенно и говорил очень правильные, кем-то написанные, слова. А потом молодой Молотов встретил его в трактире, где трагик, окончив свою роль, жадно пил водку...

Но, соблюдая дипломатический протокол, советский министр всё же поставил поляка на место, ответив, что, как ему кажется, Миколайчику лучше иметь дело с Польским Комитетом Национального Освобождения, который хорошо знаком с положением в Польше. Это повторное предложение на дипломатическом языке ясно говорило, что предложения поляка-эмигранта советское правительство не устраивают.

И, как бы в течение, Молотов добавил, что маршал Сталин сообщил Черчиллю о возможности его встречи с Миколайчиком, и это остаётся в силе. И он передаст товарищу Сталину просьбу Миколайчика о приёме. Возможно, что Сталин примет Миколайчика в самое ближайшее время, в среду или четверг. Словно ребёнка погладили по головке и дали конфетку.

Казалось, тема встречи завершена, но Миколайчик не хотел уступать. В ответ на замечание Молотова о том, что Польский Комитет знает положение в Польше, он решительно заявил, что польские делегаты, прибывшие в Лондон, хорошо знают положение в стране.

И опять Молотов с лёгкой иронией ответил, что в самой Польше больше информации, чем у польских делегатов, прибывших из Лондона.

— Да, безусловно, — внезапно согласился Миколайчик и вдруг заговорил совершенно невпопад о том, что генерал Табор может вылететь из Лондона в любое время и сообщить о положении в Польше.

И добавил:

— Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить Советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы (о том, что восстание давно уже спланировано и начнётся через полсуток, Миколайчик не сказал ни слова).

— Что ж, — ответил Молотов, — до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров, — и спросил, имеются ли у Миколайчика ещё какие-либо вопросы.

Нет, нет, вопросов у Миколайчика больше не было, и он готов ответить на вопросы Молотова.

Молотов, которому уже стало всё ясно, спросил, какие пожелания имеются у Миколайчика, которые он, Молотов, мог бы передать маршалу Сталину.

И снова Миколайчик настойчиво повторил то, ради чего он и приехал в Москву: он просит господина Молотова передать маршалу Сталину, что он, Миколайчик, является выразителем настроений всего польского народа. Именно так — только он, и никто больше!..

Спокойно выслушав это заявление, сделанное несколько в повышенных тонах, Молотов лишь повторил, что он уже высказал своё мнение: лучше было бы Миколайчику встретиться с Польским Комитетом Национального Освобождения.

Заехав на несколько минут в своё посольство, Миколайчик сразу же направился в английскую миссию. Там его уже ждал английский посол в СССР А. Керр. Сопровождение двух политиков длилось недолго — подобная ситуация была предварительно обговорена ещё в Англии, и даже предусмотрена. Посол вызвал шифровальщика, и в Лондон ушла срочная радиограмма..

2 августа 1944 года в 01 час. 10 мин. в Генеральный штаб Красной Армии из английской военной миссии в Москве поступило срочное сообщение для информации Советского Генштаба:

“1. Польское правительство в Лондоне получило следующие телеграммы от командующего Польской нелегальной армией (Армия Крайова):

Телеграмма № 1 — “Мы начали бои в Варшаве в 17.00 1 августа. Пришлите крайне необходимые боеприпасы и противотанковое оружие. Сбрасывать на освещённые участки на улицах и площадях: Фильтры Огруд Саский Аллея Войска Польского Бельведерская”. (Было передано именно так, без знаков препинания.)

Телеграмма № 2 — “Поскольку мы начали открытые бои за Варшаву, мы просим, чтобы русские помогли нам немедленной атакой извне.

2. Просьба о доставке в Варшаву боеприпасов и противотанкового оружия направлена властям союзников в Италии для немедленного исполнения, если возможно”.

Британская военная миссия”.

15. Важные переговоры у Сталина

3 августа 1944 года Сталин принял Миколайчика в Кремле. На эту встречу польский премьер привёл с собой членов эмигрантского кабинета министров: Грабского, Ромера и Мнишека.

Встреча состоялась в кремлёвском кабинете Сталина — знакомом всему миру по фотографиям и кадрам кинохроники.

Миколайчик начал с комплиментов. Он уже с порога пафосно заявил, что очень рад тому, что принят маршалом Сталиным в то время, когда героические советские армии громят гитлеровские войска и освобождают территорию Польши. Прозвучало это так, словно вся война проходила лишь в интересах освобождения его страны.

И само вступление было не из лучших. Лесть, к тому же довольно топорная, никогда не действовала на Сталина. Скорее – наоборот, он сразу же настораживался.

Тем не менее, он ответил весьма вежливо и нейтрально:

– Международная обстановка сложилась так, что советское правительство считает своим долгом помочь освобождению Польши.

Но Миколайчик не унялся. Он продолжал:

– Если бы не Советский Союз, то Польша долго бы ещё была под гнётом Германии...

– Да, – согласился Сталин. – Красная Армия действительно ускоряет освобождение Польши.

Почувствовав в ответе – коротком и определённом – известную холодность, Миколайчик решил зайти с другой стороны. Он вдруг вспомнил, что сам он из крестьян (очевидно намекая, что Сталин по сословию тоже крестьянин) и хочет представиться Сталину не как дипломат, а как деятель, вышедший из крестьян, который сам достиг того положения, которое он занимает сейчас. У него нет особых амбиций, кроме стремления служить своей родине. В своё время он как председатель Союза крестьянской молодёжи участвовал в славянских съездах, на которых присутствовали поляки, болгары и чехословаки и на которых обсуждался вопрос о том, как славянские народы должны оградить себя от немецкой экспансии.

Как житель западных областей Польши, он хорошо знает немцев, их злые намерения, их стремление уничтожить славянские народы. И он приехал сюда, чтобы обсудить с маршалом Сталиным все вопросы. Самое главное – обсудить совместные действия против немцев теперь и в дальнейшем с тем, чтобы германцы никогда не могли начать новой войны.

И подчеркнул особо: он приехал почти в годовщину советско-польского договора, который был заключен Сикорским 30 июля 1941 года и который не был расторгнут...

Отговорив всю эту цветистую преамбулу, Миколайчик перешёл к деловой части. И не был уверен, что Сталин посвятит ему достаточно времени и, свернув красивости, заговорил о деле, стараясь выразиться кратко и определённо.

Да, совместные действия против немцев – это и есть то главное, ради чего они прибыл в Москву. Но не менее важным, хотя и не столь актуальным, является вопрос об администрации в Польше. Хотя Миколайчик намеренно и не акцентировал этой проблемы, но волновала она его очень. С этим были связаны его долгосрочные политические планы.

Ну, и вопрос о советско-польской границе. Как на это дело смотрит маршал Сталин? И затем, в конце уже, как бы мимоходом, Миколайчик сообщил маршалу Сталину, что 1 августа польская подпольная армия начала открытую борьбу против немцев в Варшаве. Так что он, премьер-министр законного польского правительства, хотел бы возможно скорее въехать в Варшаву и создать там правительство, которое опиралось бы на четыре партии, представленные в нынешнем польском правительстве в Лондоне, и на польскую рабочую партию, то есть на коммунистов. Это был явный поклон в сторону Советского Союза.

И выразил уверенность в том, что после освобождения Польши в стране состоятся выборы на демократической основе, будет принята новая Конституция, избран президент республики и будут одобрены новые границы Польши... и т. д.

Миколайчик замолчал и в напряжении стал ожидать ответа Сталина. Так же молча и с напряжением замерли за столом члены польской делегации.

Сталин заговорил, медленно и чётко произнося короткие фразы, отчего они звучали особенно весомо:

– Поставленные вами вопросы имеют большое политическое и практическое значение. Но в своих вопросах вы обходите существование Польского Комитета Национального Освобождения, с которым советское правительство заключило договор об администрации. Можно ли закрывать глаза на этот факт?..

Конечно, советское правительство хотело бы, чтобы в польском правительстве были представлены демократические партии. Но этот вопрос должны решать сами поляки. Советское правительство не будет вмешиваться в это дело. Если интересно знать мнение советского правительства, то могу сказать, что оно было бы радо, если бы все демократические партии в Польше образовали блок. Советское правительство поддержало бы этот блок...

— Но в польском правительстве представлены четыре партии, — поторопился ответить Миколайчик, — и все эти партии — демократические. В 1939 году, во время пребывания деятелей этих партий во Франции, сейм был распущен, и было решено, что президент республики должен был подписать заявление о том, что он отказывается от своих прав. И я бы хотел, чтобы в правительстве, которое будет создано в Варшаве, участвовали эти четыре партии...

— Тогда нужно уговориться, — заметил Сталин, — о чём будет идти речь. Если вы желаете говорить о той силе, которая народилась в Польше в виде Польского Комитета Национального Освобождения, то нужно обсудить вопрос о взаимоотношениях польского правительства в Лондоне и ПКНО.

Миколайчик растерянно заявил, что он готов обсудить эти вопросы. Польский эмигрантский премьер явно не ожидал такого поворота беседы.

А Сталин продолжал:

— Черчилль писал мне, что вы хотите приехать в Москву, и спрашивал, согласен ли я принять вас. При этом Черчилль заявил, что он считает, что главная цель поездки Миколайчика в Москву состоит в объединении поляков, и выразил надежду, что он, Сталин, поможет полякам в этом деле.

Я согласился это сделать. И, по моему мнению, речь может идти о взаимоотношениях между двумя силами, имеющими отношение к Польше. Этот вопрос трудно обойти.

Секунду помолчав, Миколайчик ответил с деланным энтузиазмом:

— Польское правительство готово пойти на то, чтобы договориться с ПКНО и с теми, кто вёл борьбу в Польше в течение пяти лет оккупации. Но как маршал Сталин представляет себе границы Польши?

Это было именно то, что казалось самым важным лондонским полякам.

Сталин спокойно ответил:

— Советское правительство считает, что восточная граница Польши должна идти по линии Керзона, западная — по реке Одер с оставлением города Штеттина у поляков, а района Кенигсберга с городом Кенигсберг — у русских.

— Следовательно, Львов и Вильно останутся в составе Советского Союза?! — воскликнул Миколайчик.

Помолчав с секунду, Сталин спокойно констатировал:

— Согласно ленинской идеологии, все народы равноправны. И я не хочу обижать ни литовцев, ни украинцев, ни поляков...

— Но ведь потеря Львова и Вильно будет обидой для польского народа, — заблажил Миколайчик. — Польский народ этого не поймёт, так как он считает, что Польша не должна понести ущерба, хотя бы потому, что в Польше не было ни одного Квислинга...

— Если слушать такого рода обвинения, то можно совсем запутаться. Линия Керзона придумана не поляками и не русскими. Она появилась в результате арбитражного решения, вынесенного союзниками в Париже. Русские не участвовали в разработке линии Керзона. И я должен при этом сказать, что мало найдётся русских, которые согласятся на то, чтобы Белосток отошёл к Польше, как это получается по линии Керзона.

Миколайчик сделал последнюю попытку спасти положение. Он уже всё понял, но — попытался...

— Я уверен, что если бы товарищ Сталин сделал великодушный жест, то он получил бы благодарность польского народа и нашёл бы союзника в нём...

Но такие дешёвые словесные приёмы, годные лишь для польского сейма, в Кремле явно не проходили. Сталин ещё раз спокойно и по-деловому объяснил поляку то, что тот и сам прекрасно знал. Дипломатия...

— Львов окружён украинскими сёлами. Советское правительство не может обидеть украинцев. Нужно учитывать, что в Красной Армии много украинцев и что все они неплохо дерутся с немцами. Украинцы не потерпят того, чтобы советское правительство отдало Львов полякам...

Молчавший всё это время Габский почувствовал, что пора прийти шефу на помощь. Он солидно откашлялся и с важным видом заявил:

— Со Львовом у поляков связано очень много исторических и других традиций...

Сталин лишь улыбнулся:

— А как же быть с украинцами?

— Но у украинцев есть Киев, — небрежно бросил Габский.

— Верно, — ответил Сталин. — А у поляков имеются Краков и Варшава.

И продолжил:

— В первый раз поляки и русские шли вместе при Грюнвальде, когда они разбили немцев. Потом у поляков с русскими были ссоры. В XVII веке, при царе Алексее Михайловиче, был министр иностранных дел Ордин-Нащокин, который предлагал заключить с поляками союз. За это его прогнали. Теперь нужен поворот. Война многому научила наши народы.

— Да, это верно, — согласился Габский со вздохом.

Встреча продолжалась два с половиной часа.

Запись этой исторической беседы (приведённая здесь с сокращениями), сделанная переводчиком Сталина В. Павловым, человеком, отличавшимся просто феноменальной памятью, попала в руки историков сравнительно недавно. До этого все писавшие по данному вопросу пользовались записью, сделанной польской стороной и направленной, естественно, в английский МИД.

16. Сталин: “Мы признаём равенство прав славянских народов”

Следующая беседа Миколайчика и членов польской делегации со Сталиным состоялась 9 августа 1944 года.

Теперь надо было уже впрямую говорить о варшавском восстании. Но начал Миколайчик не с этого. Он заговорил о своей недавней встрече с представителями ПКНО, о последовавшей затем беседе с В. Молотовым и о своём желании как можно быстрее попасть в Лондон, чтобы доложить своим коллегам подробности переговоров. Сам он, де, не имеет полномочий, чтобы довести их до конца. Однако уверен, что лондонское польское правительство будет сотрудничать с Комитетом, ибо у польского правительства имеется стремление сделать это.

— Да, это было бы очень хорошо, — заметил Сталин.

— Я понимаю, — продолжал Миколайчик, — что маршал Сталин хотел бы, чтобы польское правительство было демократичным...

— Да, это правильно, — снова кратко прокомментировал Сталин.

Чтобы закрепить успех, как ему казалось, очень удачного вступления в беседу, Миколайчик заявил:

— Из Конституции польское правительство выбросило все антидемократические параграфы...

Сталин удивлённо поднял брови и тут же преподал польскому премьеру небольшой политический урок:

— А разве можно выбрасывать из Конституции параграфы? Конституцию можно принять или отклонить...

Миколайчик не сразу нашёлся, что ответить...

Вскоре он понял, что его попытка свести все вопросы к политическим дискуссиям провалились. И он круто изменил тему беседы.

— Я хотел бы просить маршала Сталина оказать помощь полякам, борющимся в Варшаве.

— О какой же помощи идёт речь? — спросил Сталин.

— Речь идёт о помощи оружием. Дело в том, что немцы сейчас не так сильны, чтобы выбросить поляков из тех районов Варшавы, которые они занимают. Поляки нуждаются в оружии для того, чтобы продержаться.

Продолжая спокойно прохаживаться по своей привычке по просторному кабинету и попыхивая трубкой, Сталин произнёс:

— Всё это начинание с восстанием польской подпольной армии в Варшаве — дело нереальное. Так я считаю. У восставших нет оружия, в то время как немцы только в районе Праги имеют три танковые дивизии, не считая пехоты. Немцы просто перебьют всех поляков. Просто жалко этих поляков...

Советские войска форсировали Вислу в районе ея слияния с рекой Пилицей и заняли на другом берегу Вислы плацдарм 30 километров длиной и 25 километров глубиной. Вначале дела шли хорошо, но немцы перебросили в район нашего плацдарма две танковые дивизии. Советские войска, конечно, преодеолют сопротивление немцев и возьмут Варшаву, но это потребует времени...

Оружия нам не жалко. Мы можем предоставить полякам оружие, как пулемёты, так и противотанковую артиллерию, но встаёт вопрос, как это сделать. Тяжёлые орудия нельзя сбросить с самолётов. Кроме того, нет уверенности в том, что это оружие не попадёт в руки немцев, если оно будет сбрасываться над районами города. Имеются ли в городе места, где можно сбросить оружие?..

Миколайчик не знал подлинного положения вещей в Варшаве, тем более мест расположения повстанческих сил. Но он с полной уверенностью ответил Сталину:

— Такие места есть, только сейчас я затрудняюсь их назвать. В штабе командующего польскими войсками в Варшаве имеется советский капитан Калугин. (Тогда именно впервые прозвучала эта фамилия. Только откуда Миколайчик, находившийся всё это время в Москве, прибывший туда ещё до начала восстания, знал об этом человеке?). Он хотел бы связаться с маршалом Рокоссовским для того, чтобы дать ему необходимые сведения. Я лишь знаю только, что имеется место, где оружие, если оно будет сброшено, не может попасть в руки немцев.

Всё это говорило о том, что действия Миколайчика, его запросы были спланированы ещё в Лондоне, до начала восстания, и он приехал в Москву, надеясь легко реализовать выработанные совместно с англичанами планы, навязать их Сталину.

Сталин с некоторым сомнением в голосе спросил:

— Можно ли этому верить?

— Да, — горячо подтвердил Миколайчик, — этому можно верить... И тут же добавил, что речь идёт о сбрасывании польским войскам в Варшаве ручных гранат, противотанковой артиллерии и боеприпасов.

— Что ж, — резюмировал Сталин, — сбросить оружие легко, так как наши войска находятся близко от Варшавы.

— Я был бы очень благодарен, — тут же вставил Миколайчик, — если бы маршал Сталин дал приказ Рокоссовскому это сделать.

— Но для этого надо иметь позывные сигналы и шифры, — заметил Сталин. — Я, конечно, постараюсь сделать всё возможное. Лучше всего было бы, если бы сбросить в распоряжение польских войс советского офицера для связи.

Стремясь закрепить успех, Миколайчик тут же поспешно проговорил:

— В самое кратчайшее время я представлю все необходимые для этого данные.

— Тогда я сделаю всё возможное, — заключил Сталин.

Основное было сказано, и теперь Миколайчик решил произнести несколько обязательных, необходимых для политика фраз общего значения. Он заявил, что, прощаясь с маршалом Сталиным, хотел бы выразить уверенность в том, что между Польшей и Советским Союзом будут установлены доверие и дружба. Это были обычные политесные слова, за которыми не было ничего. Но Сталин ответил на это вполне серьёзно и обдуманно. Медленно прохаживаясь по кабинету, и попыхая своей трубкой, он спокойно проговорил:

— Основой нашей политики является союз с Польшей. Необходимо, чтобы поляки поверили, что руководители нынешней России не те, что были при царском правительстве. Руководители тогдашней России хотели покорить Польшу. наших политиков часто смешивают с царскими политиками. Это неправильно. У нас нет политики покорения каких-либо славянских народов. В этом смысле мы против славянофильства, которое предполагает, что Россия должна быть во главе славянских народов и что эти славянские народы должны быть подчинены России. Мы признаем равенство прав славянских народов. Если польские руководители поймут, что советские руководители хотят установить дружбу между польским и советским народами и повернуть в этом смысле историю, то это будет хорошо.

И продолжал:

— Стремясь к союзу с Польшей, советское правительство исходило из того, что, как бы ни ограничивали Германию, она всё равно регенерируется и встанет на ноги. Германии после франко-прусской войны в 1870 году потребовалось 40 с небольшим лет, чтобы в 1914 году совершить новое нападение. В 1939 году Германия снова совершила нападение, причём промежуток времени, который ей понадобился для того, чтобы подготовиться к этому, сократился до 25 лет.

Мы считаем, что Германия снова может регенерироваться после нынешней войны в течение 20–25 лет.

Эти слова взволновали Миколайчика. Он явно не думал ещё в этом направлении, и его поразили широта и масштабность стратегических взглядов Сталина. Он взволнованно произнёс:

— Я хорошо знаю немцев. Нужно, во-первых, сильнее бомбить немецкие города, заводы, и нужно, чтобы Германия была разбита на германской земле. После окончания войны нужно прервать все экономические пути, по которым идёт германская экспансия в европейские страны. Надо оккупировать Германию на длительный срок.

— Но всё-таки Германия может подняться. На этот случай нужно держать наготове меч, и этим мечом должен быть союз между Польшей и СССР и войска в распоряжении той международной организации по поддержанию мира, которая будет создана.

Но к обсуждению подобных вопросов Миколайчик был не готов. Поэтому он заявил, видимо, желая польстить Сталину:

— Перед отъездом из Лондона я читал показания пленных немцев. Один немецкий офицер заявил в своих показаниях, что Германия найдёт себе спасение в коммунистическом строе...

Сталин усмехнулся и неожиданно ответил, отбросив всякий дипломатический протокол:

— Германии коммунизм подходит так же, как корове седло...

Миколайчику оставалось только поблагодарить Сталина за гостеприимство и сказать, что он считает для себя большой честью быть принятым товарищем Сталиным.

Члены польской делегации молча откланялись, ни один из них не проорол ни слова. Да и что они могли сказать?

17. Реакция союзников: “Русских разбить невозможно!..”

Сообщение об этой встрече было направлено в Лондон через английскую миссию лишь 30 августа. Интересно отметить, как с дипломатической вежливостью, тактично, даже с подчёркнутой любезностью вёл переговоры Сталин. Совсем не так выглядело в то время поведение Черчилля. Он вскоре прибыл в Москву и после переговоров со Сталиным принял Миколайчика.

Эта беседа носила характер разговора строгого учителя с провинившимся школьником. И после неё польский премьер вышел из кабинета Черчилля на полусогнутых от унижения ногах. Но оправился он довольно быстро и даже позднее включил текст состоявшегося разговора, а скорее — монолога Черчилля в свои мемуары.

Черчилль буквально кричал на поляка: “Недавно я беседовал с вашим генералом Андерсом, и мне кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумасшествие. Русских разбить невозможно!..”

В вашем упорстве вы не видите того, чем рискуете... Мы сообщим всему миру, каково ваше безрассудство. Вы стремитесь развязать войну, в которой погибнет 25 млн человек... Вы не правительстве, вы ослеплённые люди, которые хотят уничтожить Европу.

Я не буду заниматься вашими делами. Думайте о них сами, если вы хотите оставить на произвол судьбы ваш народ. У вас нет чувства ответственности перед вашей Родиной. Вы безразличны к её мучениям. У вас на уме только низменные собственные интересы...

Ваша аргументация является, попросту говоря, преступной попыткой сорвать соглашение между союзниками с помощью “либерум вето”. Это трусость с вашей стороны. Если вы хотите завоевать Россию, то действуйте самостоятельно. Вас следует посадить в больницу для умалишённых...”

Какое прекрасное определение для всех польских политиков, совершенно вневременное!

Именно с этого момента англичане начали усиленное лоббирование помощи восставшим со стороны советской армии.

Из британским военной миссии поступило письмо в Генеральный штаб Красной Армии. Оно 14 августа 1944 года было передано зам. начальника Генштаба А. Антоновым И. Сталину и наркому иностранных дел В. Молотову. Англичане больше всего интересовались, какие меры приняты советским Генеральным штабом и что он намерен предпринять по поводу их информации.

В тот же день (14.8.44) подключились и американцы. Посол Гарриман был особенно активен. В отличие от кадрового английского разведчика А. Керра, бывшего лишь чиновником и выполнявшего указания своего начальства, у Гарримана имелись в Польше давние и очень важные интересы.

Финансовый магнат Гарриман создал концерн, который приобрёл в Польше две угольные шахты, две шахты по добыче цинковой руды, цинкоплавильный завод и другие предприятия. Кроме того, он фактически овладел крупнейшим химическим заводом в Польше, крупным фарфоровым заводом и предприятиями бельгийского горнопромышленного общества, продолжавшего номинально считаться собственником ряда польских горнодобывающих предприятий.

Естественно, что всё происходящее в стране затрагивало финансовые интересы Гарримана, а уж возможный приход к власти левого правительства, связанного с Москвой, грозил ему полной потерей вложенных в Польшу капиталов. Поэтому он был очень активен.

У. Гарриман писал наркому иностранных дел СССР В. Молотову, сообщая, что ВВС США, стартуя из Англии, намерены частью самолётов атаковать немецкие позиции, а другие в это время сбросят груз варшавским повстанцам, а затем они последуют на базу в Советском Союзе. Посол писал, что, как ему сообщили, британские бомбардировщики недавно сбросили ночью на Варшаву небольшое количество боеприпасов при полёте из Италии. Однако дальность полётов из Италии в Варшаву и дальность возвращения делают этот род операции весьма трудным, а количество сброшенного весьма малым.

Поэтому англо-американским командованием было решено, что самое эффективное содействие можно оказать дневными челночными полётами американских бомбардировщиков на советские базы.

Американский посол писал:

“Правительство США очень желает, чтобы эта попытка была предпринята, несмотря на её риск и трудности, и я прошу немедленного её одобрения, чтобы операция могла быть проведена завтра утром, если позволят условия. Искренне Ваш У. Гарриман”.

Ответ последовал сразу же, о чём свидетельствует письмо Вышинского от 15 августа. Состоялась встреча и беседа американского и английского послов с А. Вышинским. Очень вежливо, согласно дипломатическому протоколу, замнаркома иностранных дел СССР А. Вышинский перечислил все просьбы, содержащиеся в письме американского посла Гарримана, и ответил: по поручению народного комиссара, сообщая, что Советское правительство не может пойти на это.

Выступление в Варшаве, в которое вовлечено варшавское население, является чисто авантюрным делом, и Советское правительство не может к нему приложить свою руку.

Маршал И. В. Сталин ещё 5 августа сообщил г-ну У. Черчиллю, что нельзя себе представить, как могут взять Варшаву несколько польских отрядов так называемой Крайовой Армии, у которой нет ни артиллерии, на авиации, ни танков, в то время как немцы выставили на оборону Варшавы четыре танковых дивизии.

Послал своё письмо и английский посол А. Керр, адресовав его уже наркому В. Молотову. И это был уже неприкрытый нажим.

Оказалось, что, когда они беседовали с Вышинским, в английское посольство пришла телеграмма от министра иностранных дел Великобритании А. Идена.

Господин министр сообщал, что 13 августа 28 британских самолётов из порта Бари (Италия) сбросили грузы на Варшаву. Намечены и последующие

подобные операции. Однако, подчёркивая министр, эти перелёты со средиземноморского театра могут производиться лишь за счёт операций по поддержке союзных десантов на юге Франции, и ввиду большого расстояния, которое должны покрывать самолёты, объём помощи варшавянам является малым по сравнению с затраченными усилиями.

И опять просьба – садиться американским самолётам на советских базах ВВС.

Отказ Сталина был не просто отказом – позиция Кремля была обоснованной. В те дни советские аэродромы в Полтаве, Миргороде и Пирятине, представлявшие американцам для челночных операций ранее, стали объектом нескольких массивованных налётов немецкой авиации и были практически полностью уничтожены. Их восстановление закончилось, и то не полностью, лишь к 10 сентября, после чего они снова были предоставлены американской стороне. Этот известный в истории войны факт в Польше почему-то замалчивается.

18. Американская помощь: полёты “в один конец”

Американские самолёты, стартовавшие 13 августа из Бари, достигли Варшавы и сбросили повстанцам обещанный груз. Четырёхмоторные тяжёлые бомбардировщики типа “Либереитор” с экипажем в 8 человек выполнили опасное задание. Один из самолётов этой авиагруппы был подбит немецкой зенитной артиллерией и упал на территории, уже занятой советскими войсками.

По плану американского командования в ночь с 13 на 14 августа предполагались операции для поддержки ожидавшегося десанта союзников в Южной Франции. Однако совершенно неожиданно Черчилль, который тогда находился в Неаполе, лично приказал выделить 40–50 “Либереиторов” и послать их на Варшаву. Он заявил якобы, что эта операция даже важнее, чем поддержка вторжения в Южную Францию.

Дело в том, что польский партизанский штаб имел радиосвязь с союзным командованием в Италии, и Черчилль, будучи в Неаполе, получил просьбу поляков о помощи. Он приказал в течение трёх ночей послать в общей сложности свыше 100 тяжёлых самолётов с тем, чтобы каждый сбросил на парашютах около 3 тонн оружия, боеприпасов и продовольствия для польских партизан.

Среди лётчиков, отправленных на задание, был и экипаж под командованием капитана Ван Эйссена – пилота из Южно-Африканского Союза. Задание было – сбросить груз на парашютах с незначительной высоты в 450–500 футов (135–150 метров) на объекты, точно обозначенные на плане Варшавы.

Это было классическим самоубийством. По всем авиационным нормам “Либереиторам” полагалось бомбить с высоты не ниже 5000 метров, а не летать над вражеской зенитной обороной на высоте 100–150 метров. При таких условиях их почти неизбежно должны были сбить мелкокалиберные автоматические зенитки.

Получив такой приказ, экипаж понял, что их отправляют в “один конец”, а радист, лейтенант Остин, перед полётом раздарил кое-какие свои вещи, считая, что он уже не вернётся. Протестовать вслух против этого неправильного задания экипаж не мог – это запрещала военная дисциплина, и за это они попали бы в военно-полевой суд.

Дальше произошло то, что и должно было произойти. Во время первого же захода на цель немецкие зенитки открыли ураганный огонь. Оба бортовых стрелка были убиты в первый же момент, два мотора самолёта загорелись. А высота была, как и приказано, всего 150 метров. Первый пилот резко отвернул и направил самолёт точно на восток, на территорию, занятую советскими войсками. Над Вислой загорелся третий мотор. Протянув ещё немного, экипаж стал выбрасывать вещи на парашютах. Им повезло – они оказались уже на освобождённой советскими войсками территории. Но из экипажа уцелели только пять человек.

18 августа посол Великобритании отправил наркому иностранных дел СССР письмо по поводу информированности правительства Великобритании о начале восстания в Варшаве. При этом посол Керр сделал ловкий дипломатический вольт: он не стал пересказывать позицию своего правительства, отвечая на прямо поставленный вопрос советской стороны – было ли английское правительство заранее предупреждено о восстании в Варшаве, – а предпочёл отправить Молотову копию телеграммы из Лондона.

Перечислив все планировавшиеся действия польским эмигрантским правительством действия по организации вооружённой борьбы, а там было особо подчеркнута – специальным пунктом! – что на решение польского командующего о начале восстания, несомненно, повлияло продвижение Советской Армии непосредственно в район Варшавы и тот факт, что немцы начали эвакуацию из Варшавы.

19. Положение в Варшаве

22 сентября генерал-лейтенант Телегин докладывал в Главное политуправление Красной Армии:

“Передаю о положении в Варшаве. Первое: ввиду трудности поддержания связи и больших потерь, понесённых частями, высаженными на плацдарме, сегодня дан приказ об отводе их с западного берега на восточный. Из состава второго батальона 6-го пехотного полка переправились на восточный берег 162 человека, из них 11 офицеров, и в том числе – раненый командир батальона. Оставшиеся на западном берегу отдельные группы до вечера ещё продолжали неорганизованный бой и с наступлением темноты должны быть отведены.

Два батальона восьмого пехотного полка, понеся большие потери, разрозненными группами продолжали драться в подвалах домов восточной части квартала 458.

9-й пехотный полк в восточной части квартала 516 продолжает тяжёлые бои, отражая непрерывные атаки противника. Связь с ним поддерживается по радио. В течение суток на восточный берег из состава полка переправились сорок человек. В ночь на 22.9.44 подразделением 9-го пехотного полка переправлено на лодках питание для рации, боеприпасы и продовольствие.

Второе: новых данных об изменении районов, занимаемых повстанцами, за истекшие сутки не поступило. С районом № 1 поддерживается устойчивая радиосвязь через вторую пехотную дивизию, и по их заявкам организован арт-огонь по батареям противника. По радиодонесению повстанцев, ими за 21.9.44 уничтожено 129 немцев, что даёт основание полагать об устойчивости положения в районе № 1 и усилении нажима немцев.

В ночь на 21 и на 22.9.44 произведён массовый сброс в район № 1 оружия, боеприпасов и продовольствия. Часть грузов попадает в отдельные отряды и не учитывается, ибо, как я раньше докладывал, каждая организация старается самостоятельно обеспечить себя оружием и продовольствием.

Третье: по рассказу Вл. Ягайло (псевдоним “Круль” – офицер пропаганды в Армии Людовой), за пределами повстанческих очагов в гор. Варшава происходят большие распри среди различных политических группировок, а главным образом – между сторонниками капитуляции и лондонцами, стоящими за продолжение восстания, и сторонниками Люблинского правительства.

Сегодня в квартале № 516 сосредоточилось свыше тысячи человек, преимущественно женщин и детей, ищущих спасения в переправе на восточный берег. Нами отдан приказ Берлингу принять меры к переброске их на нашу сторону.

О том, что между политическими организациями различной ориентировки за Вислой идут серьёзные распри, подтверждается донесением нашего человека из района Ченстохова. Он пишет: “В районе Ченстохова между АК и АЛ большие противоречия. АК пропагандирует, что у Красной Армии нет сил для наступления и она не в состоянии освободить польское население от немецкого ига. Может освободить Польшу только Англия с помощью АК. Они говорят, что между СССР и Англией – большие противоречия.

Помещики, зажиточные крестьяне поддерживают АК, рабочий класс и беднейшее крестьянство поддерживает АЛ.

Среди рядовых солдат АК распространялась версия, что целью восстания является изгнание немцев из Варшавы и позже вместе с частями Красной Армии гнать немцев из Польши. Перед восстанием в обращении генерала Бура указывалось, что о восстании знает Москва. Впоследствии все участники восстания убедились, что это мероприятие исходит только из Лондона и что Москва этого не одобряет. Первые дни восстания рядовые участники АК высказывали недовольство восстанием, позднее недовольство стали проявлять и офицеры.

Один из них (“Парcej”) заявил, что “несмотря на то, что до 20 августа в Варшаву на помощь восставшим подходили аковцы из разных мест, дезертирство участников АК приняло большие размеры. Немцы применяют танки и артиллерию, а мы же, кроме винтовок, ничего не имеем. Имевшаяся в первые дни восстания мелкокалиберная артиллерия разбита.

Если к моменту восстания в АК в Варшаве насчитывалось до 5000 человек, то сейчас, по его заявлению, осталось не более тысячи. Остальные убиты, ранены или дезертировали. Большое количество солдат высказывает намерение перейти на сторону польской армии генерала Берлинга, но нет человека, который возглавил бы это дело.

Дальнейшая активизация повстанцев возможна лишь при условии снабжения их оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами”.

20. Попытки Войска Польского

16 сентября 1944 года части 1-й польской армии под командованием генерала Берлинга начали переправу на западный берег Вислы. Они пытались соединиться с повстанцами, удерживавшими недалеко от берега южное и северное предместья Варшавы. Всего с 16 по 20 сентября в город переправились шесть усиленных пехотных батальонов. Однако из-за того, что немцы держали Вислу под шквальным огнём, танки и орудия переправить на другой берег не удалось. Плохо подготовленная операция потерпела неудачу. К 23 сентября польские части, понеся большие потери, были вынуждены отступить.

Изолированность очагов восстания внутри города, отсутствие между ними координации действий и полная их пассивность позволили противнику свободно маневрировать и полностью использовать свои силы для действий против подразделений и частей 3-й польской дивизии.

Сразу же после форсирования Вислы передовыми отрядами 3-й польской дивизии противник снял большую часть своих сил, действовавших против других групп повстанцев, и перебросил их в район действий восточной группы с целью локализовать успех передовых отрядов 3-й польской дивизии и не допустить их соединения с повстанцами, а также продвижения в центр города в направлении Мокотув.

Причиной неудач польских войск стал очень медленный темп и слабая организация форсирования Вислы. Успех, достигнутый передовым отрядом на 16 сентября 1944 года, не был развит главными силами дивизии, и переправа их через Вислу затянулась на 2-3 суток.

Медленная переправа небольших по численности подразделений на различных участках привела к отсутствию взаимной поддержки переправившихся групп. Слабые передовые отряды, почти не имевшие с собой артиллерии, не могли самостоятельно удерживать захваченные кварталы и, тем более, успешно бороться с контрнаступающим противником, который значительно быстрее увеличивал свои силы, перебрасывая их с других участков города, где действия повстанцев были в это время пассивны.

Части и подразделения 3-й дивизии не имели достаточной подготовки к ведению уличных боев в условиях крупного города. В первый же день после форсирования мелкие группы пехоты стали укрываться в подвалах и вести оборонительный бой. Огневая поддержка таких групп с восточного берега Вислы была крайне затруднительна.

Кроме того, на ходе боёв сказалась и слабая организация управления переправившимися подразделениями со стороны штаба 3-й польской дивизии, командиров полков и батальонов.

Но и силы противника, направленные против польских частей, были значительны. К исходу 19 сентября немцы ввели в бой из своих резервов значительные части, а также 50 танков и самоходных орудий. Одновременно противник сосредоточил в юго-западной части Варшавы большое количество артиллерии и минометов.

Если в начале операции отмечалось действие только 12 артиллерийских батарей, то к 20 сентября их количество возросло до 40. К ним прибавились и миномётные группы.

Польская пехота дралась самоотверженно, но из-за отсутствия полковой и дивизионной артиллерии была не в состоянии противостоять превосходящим силам пехоты, тяжёлым танкам и самоходным орудиям противника.

Проанализировав произведённое, советское командование сделало серьёзные выводы по итогам неудавшейся операции. 30 сентября за подписью И. Сталина вышел приказ Ставки Верховного Главнокомандования об освобождении генерал-лейтенанта Берлинга от командования 1-й польской армией. Место Берлинга занял его начальник штаба — генерал-майор Корчиц.

21. Агония восстания

6 сентября 1944 года делегат польского эмигрантского правительства Я. Янковский и командующий АК генерал Т. Коморовский выслали в Лондон из Варшавы паническую радиogramму, адресованную премьер-министру Миколайчику и главному вождю, генералу К. Соснковскому:

“...подавление восстания в Варшаве имеет не столько военные аспекты, сколько политические. Чем раньше мы и союзники это поймём, тем больше это поможет при розыгрыше политических вопросов. Совершенно понятно, что после поражения восстания в Варшаве власть во всей стране перейдёт в руки коммунистов”.

Ответ из Лондона пришёл на следующий день. Там поняли отчаянное положение Бура, и 7 сентября польское эмигрантское правительство даёт ему санкцию на прекращение борьбы и капитуляцию, подчёркивая, что “любое принятое ими решение оно отстоит перед миром”.

В тот же день делегация Польского Красного Креста во главе с графиней М. Тарновской направилась на переговоры в штаб фон Баха.

Видимо, эти предварительные переговоры имели какой-то успех, поскольку через несколько дней к эсэсовскому генералу отправился сам Бур-Коморовский. Рандеву устраивал уже знакомый Буру по прежним переговорам сотрудник Абвера майор Христиансен.

Об этой встрече в Польше тщательно молчат, её не упоминают в своих выступлениях ни польские публицисты, ни учёные, занимающиеся данным вопросом. Словно и не было такой встречи польского генерала-коллаборациониста с высокопоставленным эсэсовцем.

Но сам Бах-Залевский подробно рассказал о ней, давая показания на Нюрнбергском процессе. Материалы процесса опубликованы в Польше, но их стыдливо замалчивают.

Вот что сообщил эсэсовский генерал, получивший Рыцарский крест за подавление Варшавского восстания:

“Мы вели чисто товарищеские беседы. Кроме того, обсуждали его личные надобности и потребности группы его офицеров, связанные с их местом жительства, питанием и удобствами.

Я говорил ему, что имею славянскую кровь, что девичья фамилия моей матери Шиманская, и тогда совместно с Коморовским мы установили, что мои и его предки получили шляхетский титул от короля Яна III Собеского”.

Во время этих переговоров немцы предложили не ограничиваться капитуляцией в Варшаве, а полностью прекратить сопротивление на всей территории Польши. Коморовский с этим не согласился, он понимал, что люди, желающие активно бороться с оккупантами, его просто не поймут и не послушают.

Однако польский генерал подчеркнул, что “немецкое военное руководство не будет иметь со стороны Армии Крайовой особых трудностей”. Это означало, что аковцы с этого момента становятся для гитлеровцев не опасными.

Вернувшись в своё укрытие, Бур-Коморовский разослал специальную секретную радиogramму о прекращении “расконспирации перед Красной Армией и уходе в подполье”.

Он явно и активно готовился к вооружённой борьбе с наступающей Красной Армией, поскольку одновременно было дано распоряжение об уходе руководства АК в подполье, создании тайных складов оружия и боеприпасов, оформлении подпольных организаций.

Поступило и задание для Польского корпуса безопасности: в случае занятия Красной Армией и Войском Польским Варшавы проводить террористические акции в отношении офицерского состава Польской армии и руководителей Национального комитета.

Именно тогда Крайова Рада Министров приняла решение о капитуляции. На одном из своих заседаний она постановила ответственность за поражение Варшавского восстания возложить главным образом на Советский Союз.

Каким же было в те дни положение в Варшаве?

Об этом хорошо говорится в донесении от 15 сентября члена Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта К. Телегина Главному политическому управлению Красной Армии:

“... Положение восставших тяжёлое – нет продовольствия, воды, боеприпасов. Без помощи извне повстанцы продержаться долго не могут. Наличие в этих районах очагов, удерживаемых восставшими, подтверждается нашим наблюдением. Ночью хорошо слышны пулемётная и винтовочная стрельба, взрывы и наблюдаются пожары.

11 сентября советская авиация сбросила над Варшавой листовки, написанные по-русски. В них говорилось:

“Героическим бойцам Варшавы! Подходя непосредственно к Варшаве, мы имеем возможность оказать вам помощь. С этой целью, начиная с сегодняшнего дня, наши самолёты будут доставлять вам продовольствие, оружие и боеприпасы. В 15 часов вы должны растянуть на одной из крыш или площадей три белые простыни.

Маршал Советского Союза Рокоссовский”.

В ночь на 14 сентября и в ночь на 15 сентября нами была организована заброска в эти очаги боеприпасов, вооружения и продовольствия. Всего сделано 644 самолётных вылета У-2, которыми сброшены 45 тонн продовольствия, 6020 ручных гранат с запалами, 295 тысяч винтпатронов, 497 автоматов, 596 080 патронов ТТ, 60 50-мм миномётов и к ним 7000 мин.

Повстанцы в этих районах выкладывали указанные им сигналы, сброшенные днём выпелом со штурмовиков, однако подтверждения живым человеком или другим способом в получении сброшенного груза не имеют.

Сегодня утром из района Варшавы от южного моста переплыло к нам 22 человека вооружённых повстанцев, которые сообщили, что вчера противник крупными силами повёл наступление на этот район и оттеснил повстанцев от берега Вислы, таким образом, они утратили возможность непосредственной связи с нами.

Во всех районах, удерживаемых восставшими, по данным лиц, прибывающих к нам, общее количество восставших и помогающих им насчитывается 40–50 тысяч, но вооружённых тысяч 15, которые примерно распадаются пополам на Армию Людову и Армию Крайову. Данные нуждаются в перепроверке”.

В дальнейшем состоялся и второй разговор Телегина с Политуправлением. Речь снова шла о положении дел в Варшаве. В разговоре, в частности, отмечалось:

“Сегодня на правый берег Вислы переправлен один батальон первой польской армии, который очистил квартал № 71 от немцев и прочно удерживает его вместе с повстанцами.

Сегодня ночью продолжали сбрасывать грузы. В район № 1 сброшено: ружей ПТР – 68, автоматов – 439, патронов ПТР – 4960, патронов маузер – 1500, патронов ТТ – 442000, патронов парабеллум – 15000, сухарей – 940 кг.

В район № 3 сброшено: винтовочных патронов – 915000, маузеров – 24000, сухарей – 8925 кг.

Повстанцы выкладывали сигналы, подтверждающие приём сброшенных грузов. Имеются данные, подтверждающие враждебную линию генерала Бурра к представителям Польской Рабочей партии, Армии Людовой и корпусу безопасности. Так, например, перешедшие на нашу сторону 11.9.44 две девушки, посланные ЦК Польской рабочей партии, заявили, что их посылали без согласования с генералом Буром, который не разрешил бы им перейти на нашу сторону. Второй факт – перешедший 10.9.44 подпоручик Маркевич из корпуса безопасности тоже показал, что генерал Бур не разрешает кому бы то ни было входить в связь с нами. По заявлению Маркевича, Бур приказал корпусу безопасности занять наиболее опасный участок, находящийся непрерывно под сильным воздействием немцев, и сменить там отряды Армии Крайовой, желая, видимо, сохранить своих приверженцев.

Лётчики, сбрасывавшие сегодня груз в районе № 1, доложили, что на многих улицах были выложены сигналы с просьбой сбрасывать продовольствие, боеприпасы и оружие, что также, надо полагать, является стремлением каждой группы получить эти грузы независимо от Бура.

По ряду показаний устанавливается, что всеми ресурсами в этом районе, а также, видимо, и в других распоряжается Бур и под угрозой оставления

голыми и без боеприпасов заставляет повстанцев – сторонников Люблина – подчиняться его приказам.

Лондонское руководство в Варшаве постоянно разъясняет повстанцам, что восстание было согласовано с английским и советским правительствами, которые-де санкционировали восстание, обещая необходимую помощь. Подобные разъяснения подтверждаются и многими жителями Праги. Полагал бы необходимым листовками разъяснять повстанцам истинное положение дел и хотел бы получить совет по характеру этих листовок”.

18 сентября, Телегин докладывал в ГПУ КА о действиях форсировавших Вислу частей, о новом большом сбросе оружия, боеприпасов и продовольствия повстанцам. Он также привёл сообщение английского радио (17.9. в 20.00): “Генерал Бур сообщает, что он установил полный контакт со штабом маршала Рокоссовского”.

Это же английское радио на следующий день в 8.30 передало: “Генерал Бур сообщает, что его действия теперь координированы с действиями маршала Рокоссовского. Советские самолёты непрерывно сбрасывают оружие и продовольствие. Советская авиация и зенитная артиллерия защищают Варшаву от немецких самолётов”.

Таким образом, с одной стороны Бур подтверждает наши мероприятия по оказанию помощи повстанцам, но, широко рекламируя и извращая характер установленной связи, видимо, желает нажить политический капитал и реабилитировать себя”.

19 сентября представитель ГШ КА (Генерального штаба Красной Армии) в 1-й армии Войска Польского генерал-майор Молотков сообщил зам. Верховного главнокомандующего о попавшем в его руки документе. Это было воззвание главнокомандующего Армией Крайовой Бура-Коморовского, призывающего к борьбе с Советами.

Концовка документа дословно звучит так:

“Поляки, решительный момент нашей героической борьбы потребует от всех непоколебимой веры в победу, готовности к жертвам во имя нации и дисциплины перед руководством.

Провозглашаю следующий приказ:

Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Наша окраина – Вильно и Люблин – зывают к мести. Большевистский враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания ещё не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой обяжал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами.

Да здравствует свободная Польша. Бур – Главный комендант вооружённых сил в стране”.

22. Запад проявляет беспокойство

23 сентября послы США и Англии встретились со Сталиным.

Западных дипломатов, первым делом, интересовало положение в Варшаве. Поэтому их вопрос был построен так, чтобы получить благоприятный для себя ответ: считает ли маршал Сталин, что операции там развиваются удовлетворительно?

Сталин ответил, что он считает положение в районе Варшавы неудовлетворительным. Дело в том, что Висла представляет собой серьёзную преграду. Для того чтобы взять Варшаву фронтальной атакой, нужно переправить на другой берег Вислы тяжёлые танки и тяжёлую артиллерию, что очень трудно сделать в нынешних условиях. Поэтому Варшаву нужно будет брать обходным движением.

Керр спросил, имеются ли какие-либо сведения о положении восставших в Варшаве?

Сталин ответил, что восставшие в Варшаве рассеяны по четырём районам. Среди восставших имеется около 2,5 тысячи вооружённых людей. Для помощи восставшим на другой берег Вислы переправлено четыре батальона из армии Берлинга, но они понесли такие тяжёлые потери, что их придётся отозвать назад.

Кроме того, для помощи восставшим советское командование сбрасывало продовольствие, медикаменты и вооружение. Сталин при этом замечает,

что вооружение, сбрасываемое с американских самолётов, часто не попадает в руки восставших, так как оно сбрасывается с очень больших высот.

Сейчас повстанцы в Варшаве рассеяны немецкими войсками и многие из них прячутся в водосточных подземных трубах, боясь немцев. Население Варшавы голодает. Вообще же восстание в Варшаве создало большие трудности для Красной Армии, так как ввиду того, что повстанцы находятся в различных районах Варшавы, советская артиллерия лишена возможности действовать против города.

Керр заметил, что генерал Бур пытается установить с советским командованием связь по подземному кабелю. (Что за кабель? Откуда он вдруг взялся? Может быть, это лишь фантазия Керра?)

Сталин на это ответил, что генерал Бур вообще не обнаружен. Он, видимо, находится вне Варшавы и командует только своей радиостанцией (при этих словах Гарриман не может сдержать ухмылки, но лицо профессионального разведчика Керра остаётся непроницаемым). Что касается контакта с ним по подземному телефонному кабелю, то в этом нет необходимости, так как контакт может быть установлен по радио. Советские войска поддерживают с повстанцами контакт, узнают от них, попали ли к ним сброшенные с самолётов грузы и т. д. Такого рода контакт поддерживается как по радио, так и путём посылки повстанцами людей и приёма от повстанцев их представителей.

Керр и Гарриман заявляют, что Сталин сообщил им весьма интересные сведения, и благодарят за беседу. (Судя по всему, послы прибыли лишь для разведки.)

23. Последние дни Варшавы

27 сентября 1944 года немцы начали решающее наступление на занятые повстанцами районы. Первым из них был Мокотов. После ликвидации Мокотовского повстанческого района противник усилил свой нажим на Жолибож и начал атаки против повстанцев Центрального района.

В течение всего дня 29 сентября повстанцы Жолибожского района вели тяжёлые бои с превосходящими силами пехоты и танков противника, поддерживаемыми бомбардировочной авиацией. К вечеру этого дня повстанцы по радио сообщили, что немцы заняли южную часть района до улицы Неголевского, и просили помочь артиллерийским огнём и штурмовиками.

В течение ночи и утра следующего дня артиллерия и миномёты противника сильным огнём, чередуя его с мощными огневыми налётами, обстреливали район Жолибож.

Обстановка в районе восстания предельно обострилась.

Советские войска, наступавшие вместе с дивизией Костюшко, заняли Прагу и вышли на восточный берег Вислы, но форсировать её не смогли. Немцы, покидая правобережье, взорвали за собой все мосты в черте города и прочно закрепились на левом берегу.

Тем не менее, Советская армия оказывала повстанцам всю возможную помощь. Боевая авиация 16-й Воздушной армии в течение всего дня подавляла живую силу и огневые средства противника по заявкам повстанцев.

Только по предварительным данным, за день произведено 156 самолёт-вылетов, в результате которых уничтожено 6 орудий, 4 автомашины и подавлен огонь 4 батареей полевой артиллерии и 2 батареей зенитной артиллерии немцев. Но противник продолжал стягивать в этот район силы с целью начать решительное наступление.

И в этот момент Бур-Коморовский ещё раз проявил свойственное ему двуличие. Он послал маршалу Рокоссовскому (30.9.44) радиogramму, в которой сообщалось: *“Мокотов пал 27.9. Мы окружены в двух котлах в центре города и в Жолибоже. Совершенно отсутствуют продукты питания. Если Варшава в течение трёх дней не будет занята Красной Армией, если мы не получим немедленной поддержки авиацией, а также интенсивного огня артиллерии по ранее указанным целям, то можно не удержаться и в этот срок”*.

Но Мокотов в это время ещё не пал, повстанцы вели тяжёлые бои, а руководство АК вело интенсивную подготовку к оговоренной с немцами капитуляции.

Генерал Бур всё для себя уже решил, но его радиogramма — кто знает, как ещё обернутся события? — должна была служить своего рода оправданием на

будущее: я же просил, я же требовал! А русские мне не помогли! Вот и пришлось, вынужденно, конечно, капитулировать...

Советский офицер, находившийся в рядах повстанцев (капитан Колос), в этот же день вечером отправил свою радиogramму, где сообщалось:

“28.9. командование АК приняло решение о ведении переговоров с немцами на предмет эвакуации населения из кварталов города, занимаемых повстанцами (повсеместно). Примите срочные меры, так как эти переговоры могут повлечь за собой полную капитуляцию повстанцев”.

Двадцать восьмого сентября командование АК начало переговоры с немцами. Польских парламентаров встретили на Железной и провели в уцелевший особнячок. Польскую сторону возглавлял Монтер, с немецкой стороны были три старших офицера.

Сначала обсуждали общие вопросы, и встреча носила предварительный характер. Монтера больше всего интересовали пропуски, которые он должен был получить для руководителей повстанческой армии. Они требовались для беспрепятственного прохода через немецкие позиции, окружавшие город.

Следующая встреча произошла на фабрике Бормана. Немцы предложили одному из поляков ознакомиться с тем, какие крупные силы окружили город, — зачем сопротивляться?

Теперь переговоры вёл известный своими прогерманскими настроениями полковник Вахновский. Немцы предложили ему осмотреть их позиции. Он отправился и вернулся очень быстро. Да, сопротивление бессмысленно, надо сдаваться, нечего терять время...

По итогам переговоров полковник Вахновский составил письменный отчёт об условиях капитуляции:

“Капитуляция должна произойти до наступления темноты. Тем самым генерал Кельнер хочет избежать эксцессов с обеих сторон. Как он сам заявил, с немецкой стороны такие эксцессы могут допустить вспомогательные украинские и казачьи формирования. Я со своей стороны подчёркиваю, что мы капитулируем перед вермахтом”.

Ещё Вахновский писал в своём рапорте, что эсэсовский генерал “особенно подчеркнул своё доброжелательное отношение к полякам и Армии Крайовой”.

Условия капитуляции были переданы в Лондон, и радиостанция “Свит”, вещавшая на польском языке, оперативно сообщила:

“Условия капитуляции предоставляли права воюющей стороны (права т. н. комбатантов) лишь солдатам и офицерам Армии Крайовой”.

Это означало на деле, что граф Бур выпрашивал у немцев для своих бывших солдат и офицеров право находиться в лагерях для военнопленных, а солдат и офицеров Армии Людовой обрекал на верную смерть. Поэтому полностью погиб Варшавский штаб Армии Людовой, сотни её лучших деятелей, тысячи отважных солдат и офицеров. Граф Коморовский вместе со своим штабом спас свою жизнь ценой немецкого плена и ценой жизни своих товарищей...

У него были все основания надеяться, что немцы лично к нему отнесутся неплохо: он давно приятельствовал с обергруппенфюрером Фогелейном, бывшим профессиональным жокеем, с которым они многократно встречались на международных дерби. Фогелейн, женившись на сестре Евы Браун, стал как бы родственником Гитлера, который даже называл его “мой милый шури”. При таких знакомствах о своём будущем в немецком плену не стоило беспокоиться. И не надо забывать о родственнике — эсэсовском генерале.

Как писал потом, оправдывая действия руководства АК, в своём донесении представитель его главного командования подполковник З. Добровольский:

“Продолжение борьбы означает только бесцельно обрекать на смерть сотни тысяч мирных жителей, прежде всего женщин и детей”. (Какой благородный пафос! Сообразили через два месяца безнадёжной борьбы!)

“Так как большевики являются такими же врагами Польши, как и врагами Германии, Армия Крайова не опозорит себя, если сложит оружие, исчерпав все возможности для спасения”.

Перед самой капитуляцией (29.9.44) руководство АК провело своего рода пресс-конференцию. Благодаря деятельности капитана Колоса удалось даже получить напечатанный на машинке отчёт о её содержании. Текст документа

разведчику удалось был добыть в одном из отделов штаба АК. В отчёте говорилось:

“После неоднократных попыток вступить в переговоры с АК (18 августа и в начале сентября, двукратное предложение Жолибожу и Мокотову) 28 сентября немцы опять выступили с инициативой ведения переговоров. Их темой являются вопросы, касающиеся судьбы гражданского населения.

Немцы подчёркивают, что продолжение борьбы наносит гражданскому населению величайший ущерб и приносит с собой тяжёлые последствия нехватки продовольствия. . .

Во время переговоров немцы предложили специальной гражданско-военной польской комиссии проверить условия, в которых содержится население, эвакуированное уже из Варшавы, и пленные солдаты АК из Мокотова (питание, квартирные условия, медпомощь)”.

Был и ещё один документ, привезённый советскими разведчиками. Его составитель, офицер АК, особо просил держать его в тайне, видимо, опасаясь мести лондонцев. Документ был адресован генерал-полковнику Роля-Жимерскому:

“Передаю генералу как главнокомандующему Армии Польской армейский привет, предоставляя себя и группу офицеров АК в его распоряжение. Офицеры эти представляют собой начало будущих Варшавских дивизий.

Продолжаю дальше вербовать ввиду благоприятного развития вербовки, прошу о конспирации, прошу не опубликовывать эту телеграмму.

Доктор Ян Огоньчик-Миривинский – подполковник АК”.

Совершенно бесспорно, что вопрос о капитуляции был решён руководством АК уже 27 сентября, и поэтому телеграмма Бура и запрос по ней Миколайчика о советских мерах по спасению повстанцев был, безусловно, политическим трюком. Все данные говорят о том, что руководство АК уже вошло в полный контакт с немцами и, оттягивая время, лишь выторговывало себе некоторые льготы.

Советское командование очень быстро разобралось в этой довольно неуклюжей попытке.

Кроме того, поляки очень боялись мести украинцев не только за то, что они творили с 1921-го по 1939 год на Западной Украине, но и за то, что **в начале восстания польские националисты вырезали буквально всё украинское население Варшавы – женщин, стариков и детей. Поляки прекрасно понимают, что от украинцев им пощады не будет.**

Полковник Вахновский писал: “Я настоял, чтобы полковник Коссман (представитель немецкой стороны) отдал распоряжение о выделении батальона вермахта, который отделил капитулирующие отряды АК и район, занятый гражданским населением, от казацких и украинских частей”.

24. Армия Людова решила не сдаваться

Несмотря на заверения подполковника “Живицеля” о неприступности созданной немцами заградительной полосы, командир АЛ майор Шанявский решил собрать свою группу и идти на соединение с польской армией, пробираясь через эту “систему заграждений”.

В ночь с 30 сентября на 1 октября через Вислу удалось переправиться семи офицерам АЛ и АК. Они прорвались через линию фронта на восточный берег реки в районе железнодорожных мастерских предместья польской столицы Праги.

В пути на восток группа не встретили никаких танков, никаких препятствий, кроме одного станкового и одного ручного пулемёта, которые были выведены из строя огнём группы.

Только польский офицер-связист с радистом, находившиеся при штабе подполковника Живицеля с 27 сентября, были изолированы и впоследствии бесследно исчезли.

30 сентября Жолибож как опорный пункт перестал существовать.

Руководству АК были известны все возможности, созданные 1-й армией Войска Польского для эвакуации повстанцев и населения на восточный берег Вислы.

Повинуясь приказу своего центра и Вахновскому, представителю Бура, командование АК участка Жолибож предпочло капитуляцию выходу на соединение с частями 1-й Польской Армии.

Командование АК участка Жолибож, опасаясь соединения повстанцев с частями 1-й польской армии, ещё до 30 сентября саботировало все мероприятия групп АЛ, направленные на подготовку соединения с регулярными частями Войска Польского.

В это же время АК выдвинуло лозунг: “Немец разбит, остался более сильный враг – большевики”. А бюллетени генерала Бура продолжали утверждать, совершенно не считаясь с действительностью, что эффективно помогает повстанцам только англо-американская авиация, расценивая действия польской и советской авиации как слабые и не имеющие особого значения.

Велась активная пропаганда и против польских войск. Офицеров запугивали тем, что Берлинг якобы будет их расстреливать или же пошлёт их в концлагерь.

Только время уже изменилось и всё ставило на свои места. В умах личного состава восставших произошла значительная эволюция. Тем более что доказательства были под рукой: повстанцы воевали русским оружием и боеприпасами, питались советской тушёнкой и концентратами, русскую водку закусывали русскими же ржаными сухарями и салом, а связь между собой поддерживали с помощью советских полевых телефонов и соединявшего их советского телефонного кабеля, которого сбросили в Варшаву несколько десятков километров. Доставили туда же и телефонный коммутатор полевого типа.

Несмотря на явно слабый размер и малую эффективность англо-американской помощи, руководство АК всячески восхваляло действия авиации союзников, преднамеренно уменьшая размеры и эффективность советской помощи.

Капитан Шкот, офицер АК, принимавший английские грузы, заявил, что из числа сброшенного англичанами повстанцам попало очень мало. Почти весь груз достался немцам. За выражение этого мнения и за хорошее отношение к АЛ капитан Шкот был снят с должности.

Солдатам и офицерам АК стало уже совершенно ясно, что восстание генерала Бура имело исключительно политический, демонстративный характер. Как выразился один из польских офицеров, поручик “Зигмунд”, “это не было военное восстание. Офицеры и солдаты, без различия политической принадлежности, явно выражали своё недовольство руководством генерала Бура. Некоторые офицеры АК рассуждали так: если нельзя его убраться по политическим соображениям, пусть бы он сам ушёл в отставку. Легче тогда было бы договориться и с Берлингом, и с русскими”.

Многие офицеры АК действовали более решительно, переходя от слов к делу. Поняв смысл политической игры АК, они стали обращаться к представителям АЛ, желая вступить в её ряды. Но руководство АЛ колебалось с принятием решения и, в сомнительной надежде сохранить единство в общей борьбе, отказывало этим офицерам.

25. “Сравнять Варшаву с землёй...”

Варшава официально капитулировала через два дня. Генерал Бур-Коморовский подписал акт о капитуляции 2 октября 1944 года в десять часов утра. По этому случаю поляки и немцы обменялись дружескими рукопожатиями и выпили по бокалу шампанского.

В тот же день германское радио передало:

“Варшава прекратила сопротивление. Только некоторые части под командованием большевистских офицеров пытались саботировать капитуляцию. В течение ночи они стремились форсировать Вислу и соединиться с советскими войсками”.

Радио из Берлина сообщило ещё, что для участников подавления варшавского восстания устанавливается особый нагрудный знак “Щит Варшавы” (очень похожий внешне на жетон “Крымский щит” для солдат армии Манштейна), который будет лично вручать солдатам обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Залевский.

А через два дня — 4 октября, — когда оставшихся в живых варшавян гнали в лагерь Прушков, специально устроенный для них, жителей мятежной Варшавы, радио “Свит” передало из Лондона:

“В коммюнике, полученном сегодня во второй половине дня от генерала Бура, говорится...”

Из немецкого плена генерал Бур-Коморовский предавал своё коммюнике в Лондон! Для этого ему пришлось воспользоваться услугами немецкого радиста.

Вскоре после сдачи в плен Коморовский был отправлен немцами на самолёте в Швейцарию, а оттуда, кружным путём, через Испанию и Гибралтар, он полетел в Англию.

Здесь тоже имеются вопросы. По другим данным, немцы первоначально поместили Коморовского в офицерский лагерь, откуда его освободили американцы. Но что это меняет в биографии польского генерала-предателя?

После подавления восстания пришёл приказ Гитлера: **“Сравнять Варшаву с землёй, забрав предварительно из города все виды сырья, текстиль и мебель”**.

Это выполнялось неукоснительно и методично.

Страшное зрелище представляли собой улицы польской столицы. Центральная часть города и, в особенности, восточная, обращённая к Праге, были полностью разрушены. Уцелело не больше десятка бывших правительственных зданий в восточной части города и до двадцати домов на одной из центральных улиц и только потому, что там с 1939 года размещались гестаповцы и немецкая жандармерия.

Менее разрушена была западная часть города, состоявшая в большинстве своём из мелких домов дачного типа. В городе сохранилось не более 25-30% от имевшегося количества домов, но и они требовали среднего или капитального ремонта.

Все польские национальные памятники и старинные архитектурные постройки были полностью разрушены.

Уцелевшие варшавяне рассказывали, что до начала восстания аковцев город не был так сильно разрушен. Во время же восстания немцы поквартально уничтожали артиллерийским огнём каждый дом, в котором находились повстанцы. Для уничтожения таких домов применялась и авиация. Такое методичное разрушение Варшавы продолжалось около двух месяцев.

После подавления восстания немцы через три дня вывезли аковцев эшелонами в Германию, а всем варшавянам, уцелевшим в этой бойне, предложили выйти из города безо всякого имущества.

Когда жители Варшавы были удалены, немцы стали методично взрывать квартал за кварталом с тем, чтобы не допустить повторения подобного восстания. Это было и важным элементом общего устрашения, примером для других городов.

Даже большой и искренний недруг России генерал Андерс, сбежавший со всем своим войском в Иран как раз накануне Сталинградской битвы, прислал — уже из Лондона — депешу в Варшаву, в которой писал:

“Я лично считаю решение командующего АК (о начале восстания) несчастием... начало восстания в Варшаве в нынешней ситуации является не только глупостью, но и явным преступлением”.

В ходе восстания погибли 200 тысяч мирных граждан. Потери АК составили 24 тысячи убитыми и тяжело ранеными, 17 тысяч пленными.

Лондонские поляки наградили Бура-Коморовского орденом Виртути Милитари. Он был счастлив. Это была самая дорогая награда в истории Польши. Она стоила жизни свыше двухсот тысяч варшавян, погибших по вине этого авантюриста и его поделывиков.

Германии война в Польше стоила жизни 10 тысяч 572 человек.

Полные потери Польши во время войны погибшими составили 123 тысячи военнослужащих и свыше 6 миллионов мирного населения...

Красная Армия же только при освобождении Польши потеряла свыше 660 тысяч воинов...

Вечная им память!